

А. Д. Пряхин

Памятники покровского типа на современном этапе изучения в российской и украинской археологии¹

Выделение и первое осмысление памятников покровского типа связано с именем А. Х. Халикова. В работах второй половины 60-х гг. он интерпретировал последние как начальную стадию срубной культуры. Территорию их распространения он определял преимущественно Средним и Нижним Поволжьем [1, с. 30–31]. Тогда же соответствующий массив захоронений Покровских курганов П. Д. Либеров, А. Д. Пряхин, В. И. Сагайдак интерпретировали как абашевские.

В середине 70-х гг. выделяется и доно-волжская культура, основным массив памятников которой — лесостепное Подонье. С конца 70-х гг. к осмыслению памятников покровского типа Поволжья приступает Н. М. Малов, последовательно развивший подход, в основе которого выделение памятников покровского культурного типа.

Новый период в осмыслении памятников покровского типа берет свое начало с 90-х гг. XX ст., когда проблемой их оценки активно занимаются как российские, так и украинские исследователи. Н. М. Маловым в 1992 г. защищается диссертационное исследование «Абашевские» племена Нижнего Поволжья (памятники покровского типа)» [2]. Показательно, что покровские памятники им преимущественно сопоставляются с древностями средневожской, но никак не с доно-волжской абашевской культурой. Собственно по тому же пути пошла и О. В. Кузьмина, придавая памятникам покровского типа статус отдельной археологической культуры. В опубликованном в 1995 г. докладе о соотношении абашевской и покровской культур, как впрочем и в других ее работах, древности доно-волжской абашевской культуры оказываются на обочине рассмотрения. В ее работах даже чувствуется стремление чуть ли не подменить название «доно-волжская абашевская культура» термином «покровская культура» [3, с. 27–50; 4, с. 65–134]. В. С. Бочкарев, выступая в середине 90-х гг. в дискуссии по одному из докладов О. В. Кузьминой, высказался в том смысле, что «к доно-волжской абашевской культуре А. Д. Пряхина наука уже не вернется» [5, с. 77].

Р. А. Литвиненко, увлекшись идеей выделения памятников покровского типа на территории Левобережной Украины, склонялся к мнению, согласно которому термин абашевская культура по отношению к памятникам бассейна Северского Донца во-

¹ Расширенный вариант доклада, прочитанного на состоявшейся в октябре 2010 г. в Харькове VII международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины», сокращенный вариант которого опубликован в материалах к конференции. См.: *Пряхин А. Д. Изучение памятников покровского типа в российской и украинской археологии (90-е гг. XX в. — первое десятилетие XXI в.)*// Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII междунар. научн. конф. — Х.: ООО «НТМТ», 2010. — С. 12–14.

обще не корректен, считая более оправданным называть их памятниками покровско-го типа [6, с. 73–82; 7, с. 92–97]. Подавляющее большинство этих памятников он соотносил с поздним этапом покровских памятников Волго-Донского района, полагая, что именно покровский импульс из лесостепного Подонья, вероятно, являлся ключевым в формировании в бассейне Северского Донца срубной культуры, сохранявшей в течении двух первых этапов развития местные многоваликовые и пришлые покровские традиции. Правда, к концу десятилетия он уже не исключает возможности выделения ранней и поздней ступеней покровского этапа в бассейне Северского Донца, первый из которых, по его представлениям, может быть отнесен к позднему этапу доно-волжской абашевской культуры, а поздний, проявляющий наличие только размытых абашевских черт — это уже ранний этап срубной культуры [8, с. 82–83].

О пласте захоронений покровского типа на Северском Донце и в Нижнем Подонье ведет речь Э. С. Шарафутдинова. По ее представлениям, покровцы сменили на Нижнем Дону и на Северском Донце памятники среднедонской катакомбной культуры и связанные с ними памятники типа культуры многоваликовой керамики (результат миграции покровского населения со Среднего Дона и из Волго-Донского междуречья) [9, с. 82–83].

Иных позиций в оценке «покровских» памятников Подонцовья придерживается С. Н. Санжаров, которым поначалу было высказано суждение о первоначальном проникновении населения покровской культуры на территорию Подонцовья в позднекатакомбное время, что и обусловило трансформацию позднекатакомбной культуры в специфическую группу памятников, известных затем под названием культуры многоваликовой керамики. Впоследствии уже в рамках первого десятилетия XXI ст. он ведет речь о проникновении на эту территорию не покровцев, а доно-волжских абашевцев.

Постепенно оценка древностей покровского типа во все большей степени зависит от осмысления основного массива памятников доно-волжской абашевской культуры на пространствах лесостепной зоны и прилегающих территорий степной зон Подонья. Сошлюсь на публикацию в самом начале первого десятилетия XXI в. коллективной монографии исследователей, работающих на кафедре археологии Воронежского государственного университета [10]. Основу книги составили как статьи, опубликованные в конце 90-х гг., так и неопубликованные ранее. В помещенных в книге статьях наибольшее внимание уделяется анализу данных, свидетельствующих о трансформации этой культуры и ее роли в становлении здешней срубной культуры. Это собственно влияет на оценку памятников покровского типа как памятников переходного времени между доно-волжской абашевской культурой и срубной культурно-исторической общностью. Еще раньше, выступая на состоявшейся в 1996 г. в Донецке международной научной конференции «Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей», мною был употреблен термин «покровский феномен», за которым фиксировался тот факт, что ранние из относимых к покровским памятникам — это завершающий этап древностей доно-волжской абашевской культуры, а поздние следует рассматривать в связи с оценкой раннего пласта срубных древностей лесостепного Подонья [11, с. 81–82]. Ю. П. Матвеев интерпретировал покровские памятники как памятники переходного типа между доно-волжской абашевской и раннесрубной культурами доно-волжского междуречья [12, с. 28; 13, с. 60–71].

Отмечается и стремление подчеркнуть значимость сопоставления древностей доно-волжской абашевской культуры Подонья с теми памятниками покровского типа Нижнего Поволжья, которые обнаруживают абашевский облик, а проявляющие абашевские черты более поздние памятники покровского типа уже в системе срубных древностей [14, с. 70].

Иной подход в оценке доно-волжской абашевской культуры и покровских древностей применительно к пространствам лесостепного Подонья демонстрирует А. Т. Сивнюк. Выступая в 1991 г. на II Рыковских чтениях в Саратове он счел возможным престижные захоронения с территории лесостепного Подонья (Введенка, Кондрашевка, Богоявленка, Новый Курлак и др.) отнести не к доно-волжской абашевской куль-

туре, а к памятникам покровского типа [15, с. 47–48]. В опубликованной в середине 90-х гг. его совместной с И. Е. Козмирчуком статье излагаются результаты исследования могильников Подонья, содержащих военно-аристократические захоронения (Первый Власовский могильник, Филатовский курган, Павловский могильник), которые теперь уже определяются как захоронения покровского абашевского типа, оставленные населением, исходные позиции которого на более восточных территориях [16, с. 67]. Следующий шаг в обозначенном направлении — разделение А. Т. Синюком доно-волжской абашевской культуры на две абашевские культуры, более поздняя из которых покровско-абашевская.

В 1996 г. публикуется книга А. Т. Синюка по бронзовому веку донского бассейна, где оценке памятников покровско-абашевской культуры посвящен отдельный параграф главы по эпохе средней бронзы Подонья [17, с. 190–218]. Опорными памятниками при ее выделении продолжают выступать военно-аристократические захоронения, нами рассматриваемые в системе единой доно-волжской абашевской культуры. Но весомых доказательств в пользу оправданности выделения покровско-абашевской культуры, будто бы продвинувшейся «из Волжско-Уральского региона к началу активизации ранних срубно-алакульских проявлений» [17, с. 205] не приводится.

В рассматриваемые годы В. В. Отрощенко последовательно развивается подход, в основе которого выделение покровской срубной культуры [18, с. 70–72; 19, с. 10–14]. По В. В. Отрощенко, покровская срубная культура занимает территорию от Урала до Подонья. Эта культура, в отличие от покровской культуры Н. М. Малова, включает не только памятники покровского типа, но и последующий по времени массив срубных древностей. Эталонным памятником этой срубной культуры В. В. Отрощенко называет Мосоловское поселение в Подонье. Само происхождение этой культуры он представляет «как результат политического и культурного воздействия носителей синташтинской культуры на позднеабашевское население Приуралья, Среднего Поволжья и Среднего Подонья».

На формирование представлений о покровской срубной культуре повлияли дискуссии второй половины 90-х гг. на ежегодных полевых капитановских археологических семинарах, проводившихся на I Капитановском поселении в левобережье Донца (Луганская область Украины). В конце десятилетия Ю. М. Бровендер опубликовал основные итоги изучения поселения [20, с. 173–189]. В рамках функционирования данного поселения он оценивает полученные серии многоваликовой и позднеабашевской керамики. Говорится о наличии на поселении и синкретической керамики, сочетающей многоваликовые и покровские черты. Отмечается совместное нахождение той и другой посуды в ряде котлованов, относящихся к разным этапам в жизни срубного поселка. Опираясь, в том числе, и на стратиграфические наблюдения, Ю. М. Бровендер выделяет четыре периода в истории поселка. Им выявлены общие тенденции в развитии поселений Капитаново-1 в Подонцове и Мосоловского в Среднем Подонье. Третий период Капитановского поселка, по его мнению, соответствует концу раннего—началу среднего этапа Мосоловского поселения в Подонье. Четвертый, последний период в существовании поселения, им соотносится со средним периодом существования Мосоловского поселения [20, с. 182–183]. Он считает, что левобережье Северского Донца являлось зоной активного проникновения туда населения покровской срубной культуры в первый период ее развития с более восточных территорий. Само же I Капитановское поселение оценивается им как эталонный для Подонцовья памятник покровской срубной культуры.

Сказанного достаточно для того, чтобы утверждать, что в рамках последнего десятилетия XX в. оформилось несколько подходов в оценке памятников покровского типа, занимающих обширные территории как лесостепной, так и степной зон Волго-Уралья и Доно-Донецкого региона. Один из подходов сводится к приданию этим памятникам фактически статуса отдельной покровской археологической культуры, связанной со срубными древностями (Н. М. Малов, В. М. Бочкарев, О. В. Кузьмина

и др.). Отмечается и подход, сводящийся к оценке этих памятников как завершающего этапа доно-волжской абашевской культуры и открывающих пласт срубных древностей (А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, Ю. П. Матвеев, А. С. Саврасов и др.). Наконец, А. Т. Синюком выделяется отдельная покровско-абашевская культура, а В. В. Отрощенко — отдельная покровская срубная культура.

В первое десятилетие XXI ст. в оценке памятников покровского типа наблюдаются те же основные подходы, которые проявили себя в последнее десятилетие XX ст. Чтобы убедиться в сказанном, достаточно обратиться к опубликованным материалам состоявшихся в начале этого десятилетия научных конференций, где оценке памятников покровского типа было уделено много внимания [21–24].

Расширительная трактовка проблемы покровских памятников, воспринимаемых как отдельная археологическая культура, изложена В. С. Бочкаревым в разделе «Волго-Уральский регион в эпоху бронзы», написанном для первого тома «Истории татар с древнейших времен» [25, с. 46–68]. Деля эпоху бронзы на раннебронзовый и позднебронзовый века, покровскую (раннесрубную) культуру он относит к началу позднего бронзового века, считая ее, как и носителей синташтинской (петровской) культуры, первичным ядром волго-уральского очага культурогенеза [25, с. 60]. В основе формирования этого ядра — абашевская волна переселенцев с более северо-восточных и восточных территорий. Территория покровской культуры по В. М. Бочкареву — степное и лесостепное пространство между Уралом и Доном.

Что же касается доно-волжской абашевской культуры, то она В. С. Бочкаревым вообще не упоминается, как впрочем не упоминается и покровская абашевская культура (по терминологии А. Т. Синюка). Можно предполагать, что памятники этих культур включаются в круг покровских древностей, хотя впрямую об этом он и не говорит. По его представлению, покровцы трансформируются в срубников [25, с. 67]. Иными словами, в понимании В. С. Бочкарева термин «покровская культура» чуть ли не исключает необходимость употребления введенного в научный оборот еще в середине 70-х гг. термина доно-волжская абашевская культура.

Создается впечатление, что у него в число покровских оказывается включенным практически весь пласт колесничных захоронений доно-волжской абашевской культуры лесостепного Подонья, как впрочем и пласт такого рода захоронений в южных пределах лесостепной и прилегающих районах степной зон Поволжья и Волго-Донского междуречья.

На близких позициях остается и Н. М. Малов, продолжающий уделять внимание оценке памятников покровского типа [26, 27]. Свои представления о покровцах в системе древностей Нижнего Поволжья он изложил в докладе на состоявшейся в 2001 г. в Самаре конференции по хронологии и периодизации культур эпохи бронзы Восточной Европы. Хронология срубной культурно-исторической общности строится им по трем культурным типам (покровский, срубный и хвалынский валиковый). Идет речь и о сосуществовании на каком-то отрезке времени покровцев и ранних срубников (покровско-срубные памятники). Он считает, что ранние срубные памятники Поволжья и Подонья сформировались на основе покровских и культуры многоваликовой керамики, а не доно-волжских абашевских, катакомбных, полтавкинских и так называемых потаповских. Утверждается также, что сама покровская культура оказала влияние на доно-волжскую абашевскую, синташтинско-аркаимскую, петровскую культуры и культуру многоваликовой керамики [28, с. 200].

Н. М. Маловым отмечается наличие серии радиоуглеродных дат. Время покровской культуры, судя по имеющимся калиброванным датам, им определяется XX/XIX—XVII вв. до н. э. [28, с. 201]

В 2007 г. публикуется статья Н. М. Малова, где предпринимается попытка кратко изложить данные по поселениям эпохи бронзы на территории Саратовской области (лесостепные и смежные степные пространства степной зоны), откуда происходит

покровская керамика. Судя по приводимой карте, такого рода памятники в своем большинстве сконцентрированы в Приволжье и по правому берегу Волги [29, с. 83, рис. 1]. Показательно, что там же находятся изучавшиеся раскопками в 80-е гг. XX в. поселения Новая Покровка I и Новая Покровка II (по р. Терешка) в Правобережье Волги, которые Н. М. Маловым интерпретируются как наиболее ранние среди покровских [29, с. 67]. Покровско-абашевские материалы с первого из них он соотносит по времени с синташтинской и петровской культурами [29, с. 577], а поселение Новая Покровка II считает близким по облику к поселению Новая Покровка I. Если исходить из приводимых в статье прорисовок материалов с этих селищ и даваемом при этом их описании, то они обнаруживают близость материалам с поселений доно-волжской абашевской культуры Подонья.

Теперь уже Н. М. Маловым фактически не исключается и возможность выделения в покровской культуре трех периодов. Вообще же нетрудно заметить, что к покровцам им прежде всего относятся те памятники, керамика с которых обнаруживает в разной степени выраженные абашевские черты.

Во второй половине рассматриваемого десятилетия А. И. Юдиным и А. Д. Матюхиным опубликована книга, где анализируются результаты раскопок начала 90-х гг. могильников Золотая Гора в лесостепном Правобережье Волги и Кочетное в степном Заволжье, время которых укладывается по традиционной датировке в XVII—XVI вв. до н. э., а по радиоуглероду — XX—XVIII вв. до н. э. [30, с. 71]. Необходимость сопоставительного анализа результатов исследования этих могильников продиктована стремлением авторов подчеркнуть наличие на данной территории в раннесрубное время как могильников, где фиксируются покровские (абашевские — А. П.) черты, так и могильников, имеющих собственно срубный облик (соответственно Золотогорский и Кочетновский). Авторы исходят из одновременности этих могильников, фиксируя наличие различий между ними. Отстаивается тезис, согласно которому в Нижнем Поволжье «ранний период поздней бронзы не исчерпывается памятниками покровского типа, а синхронно им существуют и другие типы памятников» [30, с. 72]. В материалах памятников отмечается наличие традиций местного населения средней бронзы. «Это два закрытых и информативных комплекса, сооруженных за короткий временной отрезок, отражающих социальную стратификацию общества...» [30, с. 3], что, конечно же, требует дополнительной аргументации.

А. И. Юдин и А. Д. Матюхин фактически ведут речь о том, что поначалу в Нижнем Поволжье имелось «несколько типов раннесрубных памятников, отражающих, с одной стороны, традиции местного поздне(пост)катакомбного населения и, с другой стороны, внешние влияния, проявившиеся особенно выразительно в социально выделенных памятниках покровского типа» [30, с. 72–73].

Значительный материал, происходящий из погребальных памятников покровского времени задействован в кандидатской диссертации А. С. Лапшина, где анализу подвергнуты данные более чем 600 захоронений (136 курганных и четыре грунтовых могильника), происходящие с территории наибольшего сближения бассейнов Волги и Дона. Выделяемая им серия памятников покровской культуры поделена на два этапа, в первом из которых есть серия захоронений, сближающихся с захоронениями доно-волжской абашевской культуры. А. С. Лапшин придерживается точки зрения об эволюционном характере развития покровской культуры в срубную, признавая и «наличие в первой «протосрубных» элементов, появлению и сохранению которых способствовало вовлечение в процесс культурогенеза местных, степных посткатакомбных племен в лице криволюкского и, по всей видимости, бабинского населения» [31, с. 25].

Уместно вернуться к изложению соображений, касающихся оценки памятников доно-волжской абашевской культуры и дальнейшей судьбы этого населения применительно к территории лесостепного Подонья. А. Д. Пряхин, А. С. Саврасов, Ю. П. Матвеев, А. В. Моисеев, А. А. Припадчев, продолжая разработку соответствующей проблемати-

ки в русле тех направленностей, которые изложены в опубликованной в начале десятилетия коллективной монографии «Дона-волжская абашевская культура», наибольшее внимание сосредотачивают на анализе данных, свидетельствующих о трансформации этой культуры и ее роли в становлении здешних срубников, что собственно говоря и предопределило осмысление памятников «покровского типа» на этой территории.

Пополняется число свидетельств в пользу преемственности производственных традиций носителей доно-волжской абашевской и здешней срубной культур (работы А. С. Саврасова, Е. Н. Зайцева, Е. Б. Свистовой и др.). Сошлюсь прежде всего на серию работ А. С. Саврасова, которым на основе сопоставительного анализа серий металла доно-волжской абашевской культуры и донской лесостепной срубной культуры все более весомо аргументируется тезис о преемственности производственного инструментария, технологии отливки и типологии серий изделий обеих культур. Отмечается наличие серьезных изменений в масштабах металлопроизводственной деятельности и в характере ее организации у доно-волжских абашевцев и срубников [32, с. 142–149]. Собственно тот же подход оказывается основополагающим для серии работ Е. Н. Зайцева [33, с. 13–18; 34, с. 253–259], в том числе и для подготавливавшегося им диссертационного исследования, которое так и осталось незавершенным.

Не менее показательные результаты дает сопоставительный анализ имеющейся серии сосудов со знаками доно-волжской абашевской культуры и срубной культурно-исторической общности, что позволяет утверждать наличие преемственности и дальнейшего развития срубным населением традиций доно-волжской абашевской культуры в области графической фиксации информации. Получает подтверждение сделанный Е. Ю. Захаровой и мною вывод, согласно которому сосуды со знаками этих культур, «являясь свидетельством существования в этих обществах оформившейся, имеющей графический способ фиксации и продолжающей развиваться мировоззренческой системы, к тому же подтверждают и правомерность подхода, согласно которому население абашевской и срубной общностей следует рассматривать в русле развития цивилизационных процессов в древности» [35, с. 158].

А. А. Припадчевым в 2004 г. опубликована статья, где с позиций интерпретации памятников покровского типа проанализированы данные по наиболее поздней из абашевских обрядовых групп захоронений Подклетненского могильника под г. Воронежем [36, с. 275–282]. Интерпретации этих захоронений были посвящены и его доклады на Картамышских полевых археологических семинарах [37, с. 137–142; 38, с. 193–197]. На основании таких показателей как форма и размеры насыпи, данные планиграфических и стратиграфических наблюдений, обряд захоронений и погребальный инвентарь (прежде всего керамика) эти захоронения им разделены на три хронологические группы: первая из них — погребения позднего этапа доно-волжской абашевской культуры (12 захоронений), следующая группа — погребения переходного абашевско-срубного типа, где в обряде и инвентаре проявляют себя доно-волжские абашевские признаки (6 захоронений), последняя — погребения, имеющие в основном уже срубный облик, где улавливаются лишь отдельные трансформированные черты, свойственные для доно-волжских абашевцев (9 захоронений). Проведенный А. А. Припадчевым анализ позволил констатировать, что судя по данным Подклетненского могильника, вполне определенно фиксируется постепенная трансформация доно-волжской абашевской культуры в донскую лесостепную срубную. Подчеркивается, что переходные абашевско-срубные захоронения стратиграфически следуют за позднеабашевскими и предшествуют срубным [37, с. 281].

Важное значение имеет недавно защищенное А. А. Припадчевым диссертационное исследование «Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы», где дается анализ захоронений Подонья, отнесенных разными авторами к покровским. Учтено 452 захоронения, происходящие из 67 могильников. Захоронения также разделены на три группы. В одну группу включены захоронения, которые

по основным показателям оказались доно-волжскими абашевскими (122 погребения). Значительную группу образуют захоронения, которые могут быть интерпретированы как собственно срубные (205 погребений). Оставшиеся же захоронения, имея в целом более срубный облик, проявляют отдельные абашевские черты, что прежде всего фиксируется в керамике (125 погребений). Это так называемые переходные абашевско-срубные захоронения, за которыми А. А. Припадчев считает возможным оставить обозначение «погребения покровского типа» [39, с. 14–21]. Именно они отражают процесс трансформации доно-волжских абашевцев в срубников.

Немаловажным будет отметить, что В. В. Отрощенко признает, что из трех абашевских культур только доно-волжская абашевская проявляет тенденцию к трансформированию в срубную (покровскую) культуру, тем самым демонстрируя линию развития доно-волжская абашевская культура — покровская срубная культура, что отражает процесс формирования не всей срубной общности, а лишь одной из ее культур, которую поначалу он называл покровской [41, с. 178–179]. Покровская срубная культура, по В. В. Отрощенко, унаследовала от доно-волжских абашевцев «не только отдельные пережиточные формы посуды и некоторых иных вещей, но и субкультуру военизированной знати (харизматический клан воинов-колесничих)» [41, с. 179]. Сюда же следует добавить и наличие общих черт в погребальном обряде с доно-волжскими абашевцами. При этом конечно же надо иметь в виду, что сама грань между поздними доно-волжскими абашевцами и уже срубниками, имеющими в материальной культуре пережиточные абашевские черты, достаточно условна.

Во второй период покровской срубной культуры, пишет В. В. Отрощенко, уже сложилась срубная общность, когда, по его представлениям, такого рода знать исчезает, происходит максимальное распространение покровской срубной культуры, сопровождающееся утратой ярких черт, «характерных для этапов героической эпохи боевых колесниц» [41, с. 179].

Нетрудно заметить, что в настоящее время важнейшее значение приобретает сопоставление массивов древностей, интерпретируемых как доно-волжская абашевская культура (прежде всего территории лесостепного Подонья) и как покровская культура (прежде всего территории Нижнего Поволжья). В. В. Цимидановым в середине десятилетия опубликована статья «Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения», где ее автор стремится ответить на вопрос о соотношении этих культур в системах рассмотрения: тезис-антитезис-синтез-антисинтез [42, с. 66–81]. «Тезис» определяется им как признание того, что памятники Нижнего Поволжья с абашевскими чертами должны рассматриваться в рамках доно-волжской абашевской культуры [42, с. 69]. Антитезис у него выглядит как признание того, что памятники покровского типа рассматриваются или как самостоятельное культурное явление, или как одна из линий развития срубной культуры [42, с. 69]. Синтез сводится к тому, что памятники покровского типа не являются частью доно-волжской абашевской культуры, но предстают как ее наследники [42, с. 70]. Что же касается антисинтеза, то, по его представлению, гипотеза о происхождении памятников покровского типа от доно-волжской абашевской культуры хотя и имеет право на существование, но она недостаточно аргументирована [42, с. 77]. В статье много важных наблюдений, много интересных суждений и замечаний. Но для серьезного сопоставительного анализа нужно четко обозначить источниковую базу, которая положена в основу выделения как памятников доно-волжской абашевской культуры, так и памятников покровского типа. На сегодняшний же день это сделать не просто затруднительно, а в известном смысле и невозможно, поскольку достаточно часто одни и те же памятники рассматриваются одними авторами как доно-волжские абашевские, а другими как памятники покровского типа. Прежде всего это касается памятников покровского типа. Вряд ли случайно и то, что до настоящего времени отсутствует даже карта памятников покровского типа, что прежде всего объясняется размытостью и нечеткостью критериев для их выделения.

Целесообразно остановить внимание на оценке наиболее ранних, относимых к покровским, памятниках с территории Нижнего Поволжья. Наиболее показателен раскопанный в 2006 г. под руководством Ю. А. Зеленева и А. И. Юдина одиночный курган у с. Дубовый Гай, находящийся по левому берегу Терешки в Правобережье Волги (Аткарский район Саратовской области). В кургане оказалось четыре близких по времени, по мнению А. И. Юдина одновременных, захоронений, которые им и другими авторами интерпретируются как относящиеся к покровскому культурному типу [43, с. 344–350; 44, с. 134–154].

Своими масштабами, по крайней мере для пространств Нижнего Поволжья, выделяется находящееся в центре кургана захоронение 4, совершенное в перекрытой деревянным накатом могильной яме, имевшей в длину 4,4 м, при ширине до 3,3 м. Глубина ямы в материке 1,6 м. В площади могильной ямы есть две, связанные с перекрытием, столбовые ямы. Дно камеры устлано циновкой. Ближе к восточной стенке находился скелет мужчины в возрасте 25–35 лет, лежавший на спине головой на север. Ноги слегка согнуты в коленях. В районе позвоночника обнаружили кремневый наконечник стрелы.

Инвентарь включал один орнаментированный щитковый псалий и, надо думать, три деревянных псалия со вставными шипами, два ножа-кинжала с намечающимся перекрестием и ромбическим окончанием черенка, ланцетовидное орудие труда, стрелка с костяной муфтой, девять кремневых наконечников стрел, один костяной трехгранный в сечении наконечник стрелы с выемкой в основании, два больших по размерам орнаментированных в верхней части колоколовидных абашевских горшка, другие предметы, остатки заупокойной пищи. Все это инвентарь в общем-то обычный для военно-аристократических погребений доно-волжской абашевской культуры.

А. И. Юдин стремится сопоставить захоронения в кургане Дубовый Гай не с доно-волжскими абашевскими, а с потаповскими древностями самарского Поволжья, одновременно относя их почему-то к раннему этапу поздней бронзы [43, с. 344, 346, 347]. Не лишним будет подчеркнуть, что имеется одна радиоуглеродная калиброванная дата по дереву из перекрытия погребения 4, что позволило определить время захоронения рубежом III—II тыс. до н. э. [43, с. 143].

Назову и раскопанный в 2003 г. экспедицией Волгоградского педуниверситета одиночный курган у с. Линево в бассейне Медведицы (приток Дона), в котором оказалось три одновременных захоронения и связанная с ними яма-жертвенник, где находились череп и кости ног барана, на которых фиксировались следы охры.

В двух из могильных ям было по одному костяку, находившихся в слабо скорченном состоянии на левом боку. Еще в одной могильной яме костяк отсутствовал. Сопровождающий инвентарь обычен для доно-волжской абашевской культуры. Е. П. Мыськов, А. В. Кияшко и А. С. Лапшин отнесли эти захоронения к покровской культуре [45, с. 84].

Серия захоронений интересующего круга выявлена в том же году в кургане 4 могильника Широкий Карамыш 2 по р. Карамыш в бассейне Медведицы (Лысогорский район Саратовской области) [46, с. 114–119; 47, с. 20–35]. Под расположенной в центре курганного могильника насыпью на территории, ограниченной прерывающимся ровиком, и в самом ровике обнаружено 9 могильных ям. Еще одна могильная яма (погребение 10) и четыре жертвенника оказались за пределами этой конструкции. Основное погребение в кургане, как и единственное захоронение в находившемся поблизости кургане 3 И. И. Дремовым, В. В. Тихоновым и И. В. Тупаловым отнесены к позднеямной, катакомбной культурам или к культуре многоваликовой керамики [46, с. 24].

Происходящая из подавляющего числа других захоронений керамика по представлениям названных авторов имеет признаки, свойственные для катакомбных и покровско-абашевских сосудов [46, с. 24; 47, с. 117]. Сразу же замечу, что здесь отсутствуют проявления, свойственные для срубных древностей. Керамика имеет облик, весьма напоминающий керамику доно-волжской абашевской культуры. Особенно это касается двух обычных для доно-волжских абашевцев ритуальных острореберных

сосудиков. Абашевского облика обломки желобчатой височной подвески и двух ножей с намечающимся перекрестием, один из которых имеет подромбическое окончание черенка. Не исключено, что отдельные сосуды имеют и катакомбные черты, на что обратили внимание И. И. Дремов, другие исследователи.

Все более рельефно вырисовывается возможность выделения на этих территориях поселений, откуда происходит и керамика, которую трудно отличить от доно-волжской абашевской. Сошлюсь на результаты раскопок 2007–2009 г. экспедицией Саратовского госуниверситета под руководством В. А. Лопатина многослойного поселения у с. Нижняя Красавка по р. Медведице (Аткарский район Саратовской области), на котором вскрыто более 1000 кв. м. Результаты исследования опубликованы лишь частично, включая результаты раскопок имевшей столбовую конструкцию полуземляночной постройки с примыкающей тамбурной частью [48, с. 87, рис. 2], что в общем-то характерно для построек доно-волжской абашевской культуры. Опубликованы и обломки происходящих с поселения двух абашевских остросеребряных сосудиков [48, с. 91, рис. 6, 11, 12] и сосудов, имеющих четко выраженную колоколовидность [48, с. 92, рис. 7, 6, 9 и др.].

По сообщению В. А. Лопатина, в 2009 г. на поселении удалось стратиграфически зафиксировать наличие перекрытой слоем развитого этапа срубной общности прослойки, именуемой им покровской, откуда происходит и безшипный орнаментированный щитковый псалий. Немаловажно и то, что в обрыве берега в районе поселения найден бронзовый вислообушный топор, типологически близкий топору из доно-волжского абашевского погребения 1 Кондрашкинского кургана в Подонье. По моим представлениям, есть основание рассматривать эти материалы как относящиеся к доно-волжской абашевской культуре, а не включать их в покровский культурный комплекс, как это делает В. А. Лопатин [49].

Здесь же уместно вспомнить об опубликованных Н. М. Маловым материалах с двух поселений у Новой Покровки по р. Терешке, о которых речь уже шла, ранняя керамическая серия с которых обнаруживает близость керамике доно-волжской абашевской культуры.

Думаю, что такого рода памятники вряд ли уместно отрывать от доно-волжской абашевской культуры, тем более, если иметь в виду, что речь идет о пространствах, фактически продолжающих территорию сосредоточения основного массива памятников этой абашевской культуры в лесостепном Подонье.

Не стремясь уже сейчас предложить всеобъемлющее решение проблемы соотношения древностей доно-волжской абашевской культуры и памятников покровского типа, есть основание полагать, что для пространств Нижнего Поволжья, особенно Волжского Правобережья, ранние памятники покровской культуры по времени соотносятся или следуют за древностями развитого этапа доно-волжской абашевской культуры.

Доно-волжскими абашевскими начинают признавать захоронения отдельных могильников доно-волжского междуречья и те исследователи, которые еще недавно рассматривали их среди покровских (пример оценки В. И. Мамонтовым ряда захоронений в могильнике у х. Красновский по р. Хопер в Нехаевском районе Волгоградской области [50, с. 165, 167, 169, рис. 2: 5, 9, 10, 11, 12]).

Особого внимания заслуживает оценка древностей доно-волжской абашевской культуры и покровских памятников, учитывающая интерпретацию памятников бабинской культурно-исторической общности (культурного круга Бабино). Р. А. Литвиненко, занимаясь проблематикой, связанной с оценкой древностей культурного круга Бабино, неоднократно возвращается к оценке древностей доно-волжской абашевской, синташтинской культур и памятников покровского типа [51; 52, с. 6–7, 12–13, 16–17; 53]. Он пишет о том, что носители доно-волжской абашевской культуры на ее позднем этапе или на этапе трансформации в срубную культуру (покровский этап) достигают Северского Донца, вытесняя из нижнедонского правобережья и доно-донецкого междуречья поздних бабинцев [54, с. 82–83].

С. Н. Санжаров излагает иной, чем у Р. А. Литвиненко, подход к проблеме культурогенеза на пространствах Восточной Украины в конце средней бронзы. По нему, это время обитания здесь позднекатакомбного населения и миграции в западном направлении носителей доно-волжской абашевской культуры [55, с. 27]. В дальнейшем же на основе позднейшего финальноабашевского и посткатакомбного компонентов «в бассейне Северского Донца происходит сложение местных памятников покровской срубной культуры» [56, с. 141].

А ведущий исследователь эпохи бронзы восточнорусской лесостепи С. И. Берестнев, давая оценку памятников общности многоваликовой керамики (его терминология — *А. П.*) и срубной культурно-исторической общности восточнорусской лесостепи, придерживается подхода В. В. Отрощенко, выделившего две линии в развитии срубников: лесостепная, представленная покровской срубной культурой, и степная, как он пишет, иллюстрируемая памятниками бережно-маевской срубной культуры [57, с. 99]. Им аргументируется мысль о движении в западном-юго-западном направлении в лесостепное левобережье Украины в покровское время носителей средневожжской погребальной традиции (лесостепь и смежные территории степной зоны) и степной погребальной традиции Волго-Донья [57, с. 100–104].

Завершая, следует особо обратить внимание на демонстрируемый В. В. Отрощенко подход в оценке срубных древностей. В защищенной в 2002 г. докторской диссертации «Історія племен зрубної спільності» им развивается подход, сводящийся к выделению двух срубных культур, одна из которых первоначально, как уже говорилось, называлась покровской срубной, памятники которой концентрируются в зоне лесостепи и на прилегающих территориях степной зоны, включая левобережье Донца [58, с. 15–17]. Вскоре эта культура им уже именуется покровско-мосоловской срубной [59, с. 73, 76–80]. Наиболее представительным поселением этой культуры В. В. Отрощенко считает Мосоловское поселение металлургов-литейщиков в левобережье Дона [59, с. 77]. Замечу, что это же поселение признается базовым и при выделении воронежскими исследователями донской лесостепной срубной культуры. Думаю, что было бы целесообразным для соответствующей культуры ввести название мосоловская срубная культура, что позволит упразднить употребление терминов «покровская (покровско-мосоловская) срубная культура» (украинские исследователи) и «донская лесостепная срубная культура» (российские исследователи). В этом случае исключается и возможность путать разные культуры: «покровская (покровско-мосоловская) срубная культура» по В. В. Отрощенко и «покровская культура» по Н. М. Малову.

Задумываясь над характером проявляющихся в первое десятилетие XXI ст. подходов в осмыслении памятников покровского типа, явно ощущаешь возрастание влияния тенденций, проявившихся в это десятилетие в изучении крупных культурно-исторических общностей средне-поздней бронзы лесостепной зоны Доно-Донецкого и Волго-Уральского регионов.

Все более значимой выглядит и потребность их осмысления на фоне сопоставительного анализа северо-восточной зоны Циркумпонтийской металлургической провинции, в которой просматриваются истоки Евразийской провинции, и раннего этапа Евразийской металлургической провинции [60, с. 70–84; 61, с. 244–251]. Важным представляется и сопоставление металла доно-волжской абашевской культуры и металла, происходящего из комплексов «покровского» типа.

Если же подводить итог сказанному, то есть основание утверждать, что сейчас вполне реально выявляются тенденции, позволяющие выйти на целостную их оценку прежде всего в системе абашевского и срубного миров, как промежуточного звена между ними испытывавшего и значительное воздействие посткатакомбного мира.

Ключевые слова: покровская археологическая культура, покровская срубная культура, покровская абашевская культура, покровский культурный тип.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М. Пепкинский курган (абашевский человек)//Труды Марийской археологической экспедиции. — Йошкар-Ола, 1966. — Т. III.
2. Малов Н. М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 1992.
3. Кузьмина О. В. Соотношение абашевской и покровской культур//Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. — СПб., 1995. — Ч. II.
4. Кузьмина О. В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры//Древние общества юга восточной Европы в эпоху металла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). — СПб., 2000.
5. Протоколы заседаний конференции «Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы»//Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. Матер. конф. и дискуссии 21–25 августа 1995 г., Саратов. — СПб., 1995.
6. Литвиненко Р. А. Памятники покровского типа на Северском Донце//Археологические вести. — СПб., 1995. — № 4.
7. Литвиненко Р. А. Была ли абашевская культура на Украине?//Доно-донецкий регион в эпоху средней бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1998. — Вып. 11.
8. Литвиненко Р. А. Периодизация срубных древностей доно-донецкого региона (по погребальным памятникам Северского Донца)//Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи: матер. научн. конф. — Воронеж, 2000.
9. Шарафутдинова Э. С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце//Донские древности. — Азов, 1995. — Вып. 4.
10. Пряхин А. Д., Беседин В. И., Захарова Е. Ю., Саврасов А. С., Сафонов И. Е., Свистова Е. Б. Доно-волжская абашевская культура. — Воронеж, 2001.
11. Пряхин А. Д. Феномен памятников покровского типа//Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век) Междун. конф. — Донецк, 1996. — Ч. I.
12. Матвеев Ю. П. Поздний этап доно-волжской абашевской культуры и генезис срубной культуры в доно-волжском междуречье//Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. — Саратов, 1991.
13. Матвеев Ю. П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья//Евразийская лесостепь в эпоху металла. — Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 1999. — Вып. 13.
14. Пряхин А. Д. Доно-волжская абашевская культура и проблема оценки памятников покровского типа в Нижнем Поволжье//Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: матер. междун. конф. — Саратов, 1997.
15. Синюк А. Т. О соотношении памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры//Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. II Рыковских чтений. — Саратов, 1991.
16. Синюк А. Т., Козмирчук И. А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений)//Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара, 1995.
17. Синюк А. Т. Бронзовый век бассейна Дона. — Воронеж, 1996.
18. Отрощенко В. В. К вопросу о покровской срубной культуре//Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: матер. междун. научн. конф. — Саратов, 1997.

19. *Отрощенко В. В.* О культурах срубной общности//Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Матер. междунауч. конф. — Воронеж, 2000.
20. *Бровендер Ю. М.* Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком Левобережье//Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Запоріжжя, 2000. — Вип. VIII.
21. *Бронзовый век* Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунауч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». — Самара, 2001.
22. *Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие:* матер. междунауч. конф. — Чебоксары, 2003.
23. *Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее:* тез. конф. — М., 2003. — Ч. 1.
24. *Проблеми гірничої археології:* матер. II-го міжн. Картамиського польов. арх. сем. — Алчевськ, 2005.
25. *Бочкарев В. С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы//Народы степной Евразии в древности. История татар с древнейших времен. — Казань: Рухият, 2002. — Т. 1.
26. *Малов Н. М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья//Археологическое наследие Саратовского края. — Саратов, 2003. — Вып. 5.
27. *Malov N. M.* Spears-Signs of Archaic Leaders of the Pokrovsk Archaeological Culture //Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC/Remonograph Series. V. I. Washington: Institute for the Study of Man Inc. 2002. No. 45 — Vol. I.
28. *Малов Н. М.* Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье//Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунауч. научн. конф. — Самара, 2001.
29. *Малов Н. М.* Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области//Археология восточноевропейской степи. — Саратов, 2007. — Вып. 5.
30. *Юдин А. И., Матюхин А. Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. — Саратов, 2006.
31. *Латишин А. С.* Памятники раннего и позднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — СПб., 2006.
32. *Саврасов А. С.* Сопоставительный анализ свидетельств металлообработки доново-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур (к проблеме преемственности производственных традиций)//Верхнедонской археологический сборник. — Липецк; СПб., 2007. — Вып. 3.
33. *Зайцев Е. Н.* Проблема преемственности развития традиций производственной деятельности абашевского и срубного населения лесостепного Подонья на современном этапе изучения//Проблеми гірничої археології (Матер. III-го Картамиського польов. арх. сем.). — Алчевськ, 2006.
34. *Зайцев Е. Н.* Проблема преемственности в производственной деятельности населения доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур. Современный этап изучения//Вестник ВГУ. Сер. «Гуманитарные науки». — Воронеж, 2006. — № 2.
35. *Пряхин А. Д., Беседин В. И., Захарова Е. Ю., Саврасов А. С., Сафонов И. Е., Свистова Е. Б.* Доно-волжская абашевская культура. — Воронеж, 2001.
36. *Припадчев А. А.* Результаты исследования Подклетненского могильника и проблема интерпретации памятников «покровского типа»//Труды молодых ученых. — Воронеж, 2004. — Вып. 1.

37. *Припадчев А. А.* Результаты исследования Подклетненского могильника и осмысление памятников покровского типа//Проблеми гірничої археології (доп. II-го міжн. Картамиського польов. арх. сем.). — Алчевск, 2003.
38. *Припадчев А. А.* Результаты исследования Подклетненского могильника и осмысление памятников «покровского типа»//Проблеми гірничої археології (матер. II-го міжн. Картамиського польов. арх. сем.). — Алчевск, 2005.
39. *Припадчев А. А.* Погребальные памятники покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Казань, 2009.
40. *Припадчев А. А.* Деление погребальных памятников покровского типа донской лесостепи эпохи бронзы на культурно-хронологические группы//Материалы по истории и археологии России. — Рязань, 2010. — Т. 1.
41. *Отрощенко В. В.* К вопросу о периодизации покровской срубной культуры//Проблемы археологии Евразии. — М., 2002.
42. *Цимиданов В. В.* Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения//Древности Евразии. От ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005.
43. *Юдин А. И.* Проблемы контактов лесостепного и степного населения в эпоху поздней бронзы в Саратовском Поволжье//Наша малая Родина: ее история, развитие, проблемы. — Балашов, 2009.
44. *Зеленев Ю. А., Юдин А. И.* Курган у с. Дубовый Гай//Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до позднего средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). — Саратов, 2010.
45. *Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Латшин А. С.* Исследование курганов в бассейне р. Медведицы//Материалы по археологии Волго-Донских степей. — Волгоград, 2006. — Вып. 3.
46. *Дремов И. И., Тихонов В. В., Тупалов И. В.* Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками//Археологическое наследие Саратовского края. — Саратов, 2005. — Вып. 6.
47. *Дремов И. И., Тихонов В. В.* Новые материалы рубежа средней и поздней бронзы из Саратовского правобережья Волги//Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I междунар. нижеволжск. арх. конф. — Волгоград, 2004.
48. *Лопатин В. А.* Поселение у с. Нижняя Красавка (по раскопкам 2007 года)//Археологическое наследие Саратовского края. — Саратов, 2008. — Вып. 8.
49. *Лопатин В. А.* Покровский культурный комплекс поселения Нижняя Красавка II (по материалам исследований 2007–2009 годов)//Археология восточноевропейской степи. — Саратов, 2010. — Вып. 8.
50. *Мамонтов В. И.* Курганный могильник Красновский II//Пастушеские скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). — Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 2005. — Вып. 19.
51. *Литвиненко Р. А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы//Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». — Самара, 2001.
52. *Литвиненко Р. О.* Культурне коло Бабине (за матеріалами поховальних пам'яток): автореф. дис. ... докт. ист. наук. — К., 2009.
53. *Литвиненко Р. А.* Культурные области Бабино и Синташта к проблеме хронологического соотношения//Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века. — Уфа, 2006.
54. *Литвиненко Р. А.* Культура Бабино (многоваликовой керамики) и проблемы бронзового века бассейна Дона//Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2002.

55. Санжаров С. М. Східна Україна на рубежі середньої-пізньої бронзи: автореф. дис. ... докт. іст. наук. — К., 2007.
56. Санжаров С. М. Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней — поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. — Луганск, 2004.
57. Берестнев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). — Х., 2001.
58. Отрощенко В. В. Історія племен зрубної спільності: автореф. дис. ... докт. іст. наук. — К., 2002.
59. Отрощенко В. В. К истории племен срубной общности//Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. Археология восточноевропейской лесостепи. — Воронеж, 2003. — Вып. 17.
60. Черных Е. Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы. — М., 2007. — Т. V.
61. Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. — М., 2009.

Резюме

Пряхін А. Д. Пам'ятки покровського типу на сучасному етапі дослідження в російській та українській археології

В археології існує декілька підходів до оцінки пам'ятників покровського типу заключного етапу середньої—початку пізньої бронзи степової та лісостепової зон доно-донецького регіону та волго-уральських просторів: покровська археологічна культура, покровська зрубна культура, покровська абашевська культура, покровський культурний тип. Обґрунтовується необхідність оцінки пам'ятників покровського типу в системі абашевського та зрубного світів як проміжної ланки між ними.

Ключові слова: покровська археологічна культура, покровська зрубна культура, покровська абашевська культура, покровський культурний тип.

Summary

A. Priakhin. Sites of "Pokrovskiy" Type as Defined by the Current Stage Archeological Studies in Russia and Ukraine

Modern archaeology takes different approaches to the interpretation of the Pokrovsky type sites located in the steppe and forest-steppe Don-Donetsk and Volga-Ural regions at the end of the middle — beginning of the late Bronze Age. These sites are defined as the Pokrovsky archaeological culture, the Pokrovsky Srubnaya (Timber-grave) culture, the Pokrovsky Avashevo culture and the Pokrovsky cultural type. The article validates the interpretation of the Pokrovsky type sites in the system of Avashevo and Srubnaya antiquities as a transitional link between them.

Key words: Pokrovsky archaeological culture, Pokrovsky Srubnaya (Timber-grave) culture, Pokrovsky Avashevo culture, Pokrovsky cultural type.

